

Зинаида Сабитова

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской филологии
КазНУ имени аль-Фараби

МЫ КОЧУЕМ НАВСТРЕЧУ СЕБЕ...

На размышления, которые вылились в данную статью, меня натолкнули фразы из писем Ивана Грозного «где нашего коня ноги не стояли», «не везде коня нашего ноги были». Почему «ноги коня», а не всадника?

В этих фразах сохранился отголосок древних представлений о кочевнике-кентавре, внешний вид и образ жизни которого оказали влияние на древнерусскую/русскую картину мира. Конь для тюрка был продолжением души и тела, всадник, слившийся с конем, представлял собой единое существо – человекоконя, кентавра, поэтому ноги коня были ногами и всадника. Этот образ встречается и в «Слове о полку Игореве»: «*Чръна земля подъ копыты костью была посьяна...*»

Эти и другие удивительные языковые факты заставили задуматься о проблеме русско-тюркских языковых и культурных контактов.

Радость от постижения смысла таких фраз, запечатлевших взгляд древних тюрков и славян на мир, – это радость от узнавания своего в другом и вместе с тем открытия в себе чего-то от другого.

Как археология удивительна тем, что позволяет радоваться обыкновенному камню, «радоваться лишь потому, что тысячи лет назад этого камня касалась рука другого человека» (М. Аджи), так и лингвистика поразительна и находчива в своей способности отыскивать в обыкновенном слове утраченный сокровенный смысл. Тепло от прикосновения к словам, фразам также сохраняется на века. Слова способны хранить следы далеких эпох, великие события жизни народа, достижения и потери, положительный опыт и ошибки человеческого бытия.

В исследовании результатов русско-тюркского диалога отправным пунктом должна стать идея «вечного возвращения одного и того же» (Ф. Ницше). Для нас прошлое – это эталон, на который мы оглядываемся, на который равняемся. Обычно прошлое представляет интерес в том случае, если оно актуально для настоящего.

Слово как знак языка и культуры хранит в себе память о предшествующих своих «поколениях». Поэтому, описывая судьбу слова, мы постоянно проецируем ее на настоящее. Такой подход к описанию лингвокультурологических феноменов мы называем перфектным. Он позволит выявить заключенную в языковой единице актуальную для настоящего лингвокультурную информацию.

Мы спокойны,
мы отстали,
нам, приученным верхом,
надоела жизнь бегом,
мы коней в себя загнали,
возвращаемся пешком.
Не торопимся,
вникаем,

многое дополняем,
то, что раньше пролетели,
просвистели,
проглядели, –

пишет О. Сулейменов. Чтобы «допонять», увидеть то, что мы «проглядели», необходим диалог с прошлым.

Известно, что диалог предопределен самой природой человечества. Эта «обреченность» на диалог с другим обуславливает взаимодействие народов: будучи особым автономным, каждый этнос является частью целого организма, предопределяющий его жизнедеятельность и существование.

Лишь взаимная терпимость заставляет услышать друг друга, прислушаться к мнению другого, а значит, воспринять чужое, понять его и сделать своим. При знакомстве с чужим культурным предметом мы входим в мир другой культуры. Входя в круг, очерченный чужим языком, культурой, мы можем присвоить лишь те фрагменты, которые являются значимыми, необходимыми для нашей культуры. Заимствованный предмет, используемый постоянно, приспособленный к нашему образу жизни, рождает ощущение гармонии, единения с ним, а значит, восприятие его как родного. «Живя, а значит, участвуя в диалоге» (М. М. Бахтин), получая и отдавая, мы обогащаемся, приобретаем «единомышленников» в использовании той или иной вещи, в схожести взгляда на нее.

«Мировидческие осколки» всегда присутствуют в языках разных эпох и разных народов, с которыми соседствовал язык в те или иные исторические эпохи.

Мы находимся в плену родного языка, культуры, поэтому, например, судьбу, данную свыше, пространственные ориентиры (верх – низ, правый – левый), противопоставление света и тьмы, Полярную звезду и многое другое каждый из нас воспринимает и одинаково, и по-разному – сквозь призму своего языка. Это связано с тем, что между миром вещей и миром слов есть особый промежуточный мир – мир наших мыслей, который окрашен красками нашей культуры, поэтому он специфичен для каждого народа. Национально культурная составляющая находит воплощение в особом компоненте значения слова, она варьирует от языка к языку. Ее выявляет очень трудно описать, неслучайно лингвисты называют ее «непойманной жар-птицей».

Если древний камень хранит тепло прикосновений, то и слово сохраняет на века частицу души человека. Мы не задумываемся, почему до сих пор зачитываемся стихами А. С. Пушкина, А. А. Блока, Махамбета, О. Хайяма, почему не перестаем удивляться мудрости слов Соломона, Абая, Льва Толстого. Потому, что лишь талант, что богом дан, способен аккумулировать, сохранить энергию, выплеснуть ее наружу, спрессовав в слове, в «обаятельном порядке слов».

Слово несет в себе энергию знания, которая накапливается на протяжении всей «жизни» слова, выкристаллизовывается в сложных перипетиях его судьбы – его функционирования в речи. По закону сохранения энергии слово сохраняет все «вложения» в его энергетический запас.

Так, тюркское слово «очаг» сохранило теплоту очага древнего человека, способствовавшего превращению его в цивилизованного человека, пещеры – в дом, в домашний, семейный, родительский очаг, далее – в символ Родины. Метаморфозы очага сохранили энергию слова очаг. Удивительно, что древнетюркское слово «*oçiq*» и древнерусское слово «очаг» прошли одинаковую судьбу, сходны их узловые моменты – точки перехода от одного значения к другому. Очаг, будучи символом семьи, Родины, притягивает к себе, при этом притягивает не только тепло самого очага, но и тепло слова «очаг», в котором сохранилась энергия каждого, кто вкладывал в него собственные смыслы, превращая его из названия костра в обозначение родного дома.

Мощь слова заключается в слиянии в нем смысловой, звуковой, «культурной» энергий. Харизма слова – это воплощенная харизма гения, его свет, любовь. Мы, очарованные словом, вновь и вновь обращаемся к нему. Есть сила, магия слова: соединить, разъединить, служить любви, вражде и ненависти (Л. Н. Толстой) слово может благодаря своей мощи, энергии. Нет слабости слова, есть бессилие человека схватить точным словом свою мысль.

Слово не может быть ничьим, оно несет на себе отпечаток своего автора – носителя языка. Источником его энергии является «дух народа». Каждый раз, употребляя слово, мы

присваиваем его, становимся сотворцами его смыслов, добавляем в него частицу своей энергии, внося свою лепту в синергетический процесс.

Особенными с точки зрения «вживания» в русский язык являются тюркизмы *сарафан, богатырь, кафтан, сундук, пенька, хмель, дудка, брага* и др. Они стали настолько русскими, что не ощущается их «чуждость» ни в форме, ни в содержании, поскольку они обозначают культурно значимые для русского народа предметы. Они представляют собой «ячейки культуры» (Ю. С. Степанов), служат ключом к пониманию важных особенностей русской культуры. Их феноменальность заключается в том, что они являются знаками русской лингвокультуры. Так, некоторые из предметов, названных тюркизмами, стали символами русского и в известном смысле представляют «славу» русского, российского государства: *русские богатыри, русская дудочка, русский сарафан, русская телега* и др.

Если тюркизмы, как и другие заимствованные слова, называются «перекрестком культур» (С. Г. Тер-Минасова), то приведенные тюркизмы прошли путь от «перекрестка культур» к знакам русской культуры. Они, прожив в русском языке собственную жизнь, стали феноменами евразийской лингвокультуры, соединившими в своей культурной и языковой памяти следы тюркского и русского взгляда на мир.

Познавая нечто новое, мы обозначаем его словом, находя тем самым место названному предмету в нашем мире, присваиваем его, включаем в свое сознание. Мир, обретший очертания родного слова, мы считаем своим, родным и знакомым. Как через слово мы постигаем мир, так и кочевник посредством коня познавал, завоевывал мир, делал его своим, заряжал своей энергией. В древних памятниках письменности встречается фраза «*взяша земли копытомъ*». Неслучайно омонимичными являются тюркские слова *at* («имя») и *at* («лошадь»). И слово, и конь символизировали освоенность, осмысленность, упорядоченность мира. Культура (первонач. «возделывание земли») также означает освоенность пространства, упорядоченность, окультуривание, гармонизацию мира, приспособление его к своим потребностям, насыщение своей энергией.

Слово, будучи «культурной рамкой», накладывается на опыт человека – носителя языка-культуры. Как предмет обладает ценностью в контексте своей культуры, так же слово лишь в оправе своего языка и культуры обретает смысл, получает системную значимость, одухотворяется. Обозначение словом нового для культуры предмета означает включение его в круг своей культуры, использование в качестве «культурной рамки», что делает его своим, освоенным, понятным, а значит, таким, которым можно пользоваться в своем мире в качестве ориентира.

Те фразы, которые поначалу казались загадкой, стали прозрачными лишь тогда, когда мы подобрали ключ к их смыслу, источнику энергии.

Сабитова Зинаида Какбаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской филологии Казахского национального университета имени аль-Фараби. Область научных интересов: проблемы лингвокультурологии, русско-тюркских культурных и языковых контактов в диахронии, сравнительно-исторического языкознания, синтаксиса современного русского и древнерусского языка. Автор монографий «Категория определенности / неопределенности в древнерусском языке», «Прошлое в настоящем: русско-тюркские культурные и языковые контакты», девяти учебников «Русский язык» для школ.

Принимала участие в реализации программы «Мэдени мұра» / «Культурное наследие», осуществляемой по инициативе Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева.

Обладатель гранта МОН РК «Лучший преподаватель вуза» 2007 г.

